

ПЬЕСА А. А. АХМАТОВОЙ «ПРОЛОГ (СОН ВО СНЕ)»

В той части архива А.А. Ахматовой, которая находится в Отделе рукописей и редких книг Российской национальной (бывшей Государственной публичной) библиотеки в Санкт-Петербурге (фонд 1073), сохраняется под № 227 конверт с грифом издательства «Художественная литература». Судя по зачеркнутой на нем надписи, он первоначально содержал какие-то материалы, направленные издательством А. А. Ахматовой, а затем был использован поэтом для хранения накопившихся к 1965 году набросков пьесы в прозе и стихах. Название пьесы, согласно надписи на конверте, «Пролог (Сон во сне)», под названием проставлена дата «1965», а ниже следует цифра «I», видимо, указывающая на то, что конверт с материалами к пьесе был или должен был быть не один. Уверенности в том, что надпись на конверте авторская, нет, и возможно, разрозненные черновики были собраны вместе уже после смерти автора. Это обстоятельство необходимо отметить сразу. Перед нами не сколько-нибудь связанная, пусть даже черновая, авторская рукопись (возможно, хранящаяся в каком-либо ином месте), а собрание первоначальных планов пьесы, эскизов ее актов, набросков отдельных сцен, разработок стихотворных партий. На то, что совокупность этих черновиков не являет нам последней стадии работы над произведением, как будто указывают встречающиеся в конверте листы с надписью «В работу» (л. 22 об.) или «Работа» (л. 26 об.), которые, видимо, служили оберткой для материала, подлежащего дальнейшей разработке; об этом же может говорить и наличие, наряду с рукописными — чернилами и карандашом — листами, листов машинописи, производящих впечатление фрагментов какого-то более полного машинописного целого. И, наконец, я позволю себе сослаться на свои личные воспоминания, относящиеся к 1963 году, когда А. А. Ахматова,

рассказывая мне о работе над пьесой, прочитала, в частности, эпизод с парящим в воздухе портретом Сталина из III части «Суд над автором», которого нет среди набросков этой части в рукописи Национальной (б. Публичной) библиотеки.

Но как бы то ни было, и в случае существования рукописи большей степени завершенности (хотя и не завершенной все же до конца, как из-за смерти Ахматовой, так и из-за ее сомнений в необходимости воплощения своего замысла*), и в случае самодовлеющего характера Петербургской рукописи, эта последняя представляет большой интерес — и как единственное известное на сегодняшний день по полноте¹ собрание набросков пьесы, и как интереснейшее свидетельство метода работы Ахматовой над ее не-лирическими произведениями — «наплывами» отдельных «кадров», подлежащих дальнейшему «монтажу».

История работы А.А. Ахматовой над пьесой и общие линии ее замысла изложены акад. В.М. Жирмунским в его комментарии к публикации стихотворных отрывков из «Пролога», где он, в частности, пишет: «В «Списке утраченных произведений» (ГПБ) упоминается: «Драма Энума элиш, в 3-х частях: 1) На лестнице; 2) Пролог; 3) Под лестницей (сожжена 11 июля 1944 в Фонтанном Доме, написана в Ташкенте 1943-1944)». Более подробно (ЦГАЛИ): «Вместо предисловия. Когда после брюшного тифа в Ташкенте, в конце 1942 г., я вышла из больницы, все почему-то стало мне казаться родом драматического действия, и я написала *Энума элиш*. I-ое и III-е действия были совершенно готовы. Оставался «Пролог», т.е. II действие. Он должен был быть в стихах и представлял собою кусок пьесы героини *Энума элиш* — X. [...]». [...] Значительно позже, в начале 60-х годов, как сообщает поэтесса, «она вздумала возвращаться ко мне»

* Они возникли в 1965 г. после прочтения книги Алэна Роб-Грийе «В прошлом году в Мариенбаде», в формальных приемах которой Ахматова увидела сходство со своими исканиями, и ей не захотелось быть принятой за подражательницу «нового романа».

(ЦГАЛИ). Ахматова пыталась восстановить или точнее — воссоздать утраченный текст. [...] Общее заглавие остается «Энума элиш», с которым конкурирует более понятное «Пролог, или Сон во сне», представляющее, в сущности, название средней, стихотворной части произведения — пьесы внутри пьесы. «Энума элиш» — древневавилонская теогоническая поэма (о сотворении мира и поколениях богов), которая, входила в новогодний праздничный ритуал. Заглавие (по первому стиху) обозначает «Когда вверху... (в переводе Ахматовой: "Там вверху...")». ² Сообщая затем, что поэму «Энума элиш» переводил на русский язык второй муж А. А. Ахматовой, известный ассириолог В. К. Шилейко, В. М. Жирмунский утверждает, что «связь названия драмы Ахматовой с ее содержанием» «неясна».

Конечно, незавершенный характер рукописи не дает возможности до конца прояснить смысл названия «Энума элиш», хотя некоторые ассоциации вызывает характер перевода этого названия А. А. Ахматовой: «Там вверху» может быть антитезой «Там внизу» (название книги Гюисманса о его увлечении сатанизмом). В этом случае «Энума элиш» может означать мир, в котором пребывает героиня пьесы, мир «На лестнице» (напомню, что в Ташкенте Ахматова жила одно время на балахане — верхней надстройке узбекского дома) в его противопоставлении страшному сатанинскому миру «Под лестницей», творящему «суд» и расправу над поэтом.

Следует внести также уточнение и в изложение В.М. Жирмунским содержания пьесы. Из-за фрагментарного характера рукописи исследователь не заметил, что ее вторая часть — «Пролог» — состоит из переключки не двух голосов — героини и «гостя из будущего» — а трех: «гостя из будущего» сменяет голос того, кто «будет за поворотом», голос «Последней Беды». Гость из будущего — только его предтеча.

Кроме набросков собственно пьесы, конверт с материалами к «Прологу» содержит также черновики прозаического обрамления к ней, озаглавленного «Гаванская находка» и представляющего собой вымышленную историю нахождения бутылки с рукописью «Энума элиш» в приморской гавани и исследования ее неким академиком будущего и его учениками. К этому обрамлению примыкают фрагменты под названием «Нечто удивительное. Проза», содержащие пародийно-гротескный комментарий к отрывку из интермедии на сюжет ахматовской «Поэмы без героя». Поначалу представляется, что это самостоятельный текст, однако при внимательном чтении можно заметить, что он связан с «Гаванской находкой»: и там, и тут отмечается порча рукописи океанской водой, оба текста упоминают в числе действующих лиц редактора, в комментарии к интермедии говорится о «госте из будущего», который «мерещится на задымленной стене пещеры» (ситуация «Пролога»). Возможно, в замысел Ахматовой входило объединение «Пролога» и отрывка из интермедии в рамках одной «находки», однако до конца проявлен этот замысел не был.

Этот же мотив будущего обнаружения произведения встречается и в находящемся в конверте с набросками Пролога» черновом стихотворном тексте «Большая исповедь». Опубликованный ранее отдельно от «Пролога»,³ он в значительной степени оставался закрытым для читательского восприятия, находясь в тесной связи с содержанием пьесы. Поэтому я считаю необходимым повторно опубликовать его в составе всей рукописи, устранив неточности первой публикации.

Публикуя полностью все содержимое конверта, я даю, перенумеровав их римскими цифрами, тексты фрагментов не в том, чисто случайном порядке, в каком они хранятся в РНБ (б. ГПБ), а в той последовательности, какая представляется мне способствующей уяснению авторского замысла (попутно в квадратных скобках указываются листы рукописи). В тех случаях, когда та или иная сцена представлена рядом

вариантов, я воспроизвожу равноправно все варианты один за другим, не отдавая предпочтения какому-либо из них, поскольку автором эта работа не была произведена. Предшествующие публикации отдельных стихотворных партий из пьесы особо не оговариваются.

Сокращенно написанные слова раскрываются без обозначений в случаях, не вызывающих сомнения (то же относится и к пропущенным словам). Когда чтение безусловное или связано с большой степенью ответственности, восполняемые буквы или слова заключаются в квадратные скобки. В одном случае (название пьесы Сен-Санса) гипотетическому прочтению я предпочел воспроизведение сокращенного написания.

Зачеркнутые слова приводятся, в угловых скобках, только если они образуют более или менее выявленный вариант.

В случаях, когда зачеркнутое место ничем не заменено, оно воспроизводится без угловых скобок, если согласуется с контекстом (в противном случае ставятся скобки).

Данная публикация была подготовлена в 1980 г. и намечалась к изданию в одном из сборников Академии наук СССР «Памятники культуры. Новые открытия», однако ответственному редактору акад. Д.С. Лихачеву не удалось получить предварительного разрешения соответствующих инстанций. Последующие мои попытки, в том числе и после 1985 г., оказались безрезультатными. В 1989 г. М. М. Кралин опубликовал свою редакцию «Пролога», отличающуюся от данной. Считая свою версию существенно важной, я хочу предложить ее читательскому вниманию после публикации М. М. Кралина.

Примечания

- ¹ В Центральном государственном архиве литературы и искусства в Москве в рабочих тетрадях («записных книжках») Ахматовой имеются отдельные наброски «Пролога». Мне эти материалы были недоступны.
- ² См.: Анна Ахматова. Стихотворения и поэмы. — Л.: Сов. писатель, 1976. — (Б-ка поэта. Большая серия). — С. 508-509.
- ³ Публикация М. М. Кралина в кн.: День поэзии 1979. — М.: Сов. писатель, 1979. — С. 201-202; в ином виде опубликована им же: Литературная Грузия. — 1979. — 7. — С. 91-92.
- ⁴ См.: Искусство Ленинграда. — 1. — 1989. — С. 15-35.

Анна Ахматова

Пролог (сон во сне)

I.

Энума элиш

2 окт. 1963

Будка.¹ [л. 22 об.]

II.

Гаванская находка

или

Рукопись в бутылке

Я. Моя Гаванская находка. Моя биография (по Л.Л. Ракову²). Моя жена, дети, внуки. Ученая карьера. Ученые степени. Я — академик (академики). Моя библиография. Дальше сама рукопись.

Внешний вид рукописи. Почерк. Язык. Подробности нахождения. [л. 3]

* * *

Сначала покойный академик по-видимому хотел сообщить гораздо больше подробностей о рукописи, но отвлекся от этого предмета и перешел на вопросы собственной биографии и столь блистательной научной карьеры. С замиранием сердца читатель узнает биографии всех помогавших и мешавших найти рукопись, все его приключения в городке N, где ему так и не удалось ничего разыскать, несмотря на помощь милиции, 3-х пожарных частей и собак-ищек во главе со знаменитой Лиджи³ (18 медалей). [л. 1 об.]

* * *

Я разделил темы между моими учениками и ученицами. Самой верной из них Бэбе⁴ досталась тема «Пролог» и его последствия. Она, не знаю какими путями (по слухам, ценою ночи, как говорили в прошлом веке*), установила, что это произведение двадцатого столетия, написано в одном из крупнейших городов Средней Азии. Пол, возраст и национальность автора установить не удалось. На каком языке написан «Пролог», тоже неясно. Кто-то, из вечно протестующей молодежи, старается доказать, что это стихи и по всей вероятности перевод. За толкование вставной цитаты:

Чтоб шею завернуть, я не имею шарфа,⁵ —
четыре человека получили докторские степени, по поводу чего уборщица Настя бестактно сказала: «У того, который сочинил, рваной тряпки не было, а эти обвинители своих б... в чернобурые [л. 6] манти нарядили».

Я же с чувством «законной гордости» констатирую рост нашего литературоведения. [л. 6 об.]

III.

Пьеса «Пролог» — по-видимому переводная и представляет собою вторую часть некой трилогии «Энума-елиш», обнаруженной в Ташкенте при довольно загадочных обстоятельствах в (смыто океанской водой) году.

Часть I — На лестнице

* Но чего я ни в коем случае не одобряю. [л. 6]

Часть II — Пролог

Часть III — Под лестницей

(Суд над автором «Пролога». Ее смерть)

Действующие лица

1) X (икс)*

* В фойе театра до сих пор висит ее портрет в роли сомнамбулы (в ночной рубашке, с распущенными волосами, босая) из пьесы «Пролог» (II часть трилогии «Энумаэлиш» неизвестного автора, запрещенной в (смыто океанской водой) и реабилитированной в (смыто океанской водой) году. Другие ее портреты находятся в (смыто океанской водой) Музее. По слухам один из них (самый известный, в ярко синем платье, работы художника А.⁶) ведет себя как-то странно — изменяется, иногда ломает руки и зовет кого-то по имени (когда посетители музея отвертываются). Поэтому, хотя он и раньше находился в тайном хранении, было сочтено за благо поместить этот портрет в небольшой темный и крепко запертый карцер, где он не будет никому мешать. [л. 2]

Буфетчица Клава

Ввиду отсутствия законных наследников ей была подыскана вполне пристойная наследница — театральная буфетчица Клава, в комнате которой W. даже одно время, когда случайно возникли затруднения квартирного характера, провела 1^{1/2} года. Там ей было очень удобно и приятно, несмотря на жесткость бутафорского круглого диванчика и неожиданные ночные пробуждения, когда она, случайно кашлянув, слышала хрипловатый мужской голос: «Тут кто-то есть!..». И нежное щебетанье Клавы: «Это не имеет никакого значения. Не обращайтесь вниманья». И Клава мило ныряла в венецианскую двуспальную не менее знаменитую кровать, на которой в прошлом сезоне Отелло душил Дездемону.

Но и тут дело обошлось не без недоразумений: Клава вдруг заявила, что просит ей книг, писем и в особенности стихотворных посвящений не передавать, что, хотя ввиду неграмотности за себя она ручается, но ее знакомые, которые часто засиживаются у нее до утра и фамилии которых она никак не может запомнить, могут оказаться грамотными, что она согласна принять: а) драгоценности (таких не оказалось), б) платье (в нем увели W.) и в) какую-то рухлядь красного дерева, которая вскоре вся рухнула, потому что ее съел жучок. Кроме того Клава уже несколько раз (враги

- 2) Секретарша нечеловеческой красоты
- 3) Соперница
- 4) Бэбе (забодаю...)
- 5) Редактор с ассирийской бородой
- 6)

Место действия по-видимому Ташкент, время — вторая мировая война 20 века.

IV.

<О Поэме>

Нечто удивительное

Проза

1962 [л. 1]

V.

Название интермедии дано на каком-то неизвестном мне языке. Для установления языка и перевода я провел 9 месяцев в Закавказии, но привез оттуда только тяжелое заболевание печени.

Как всегда, помогло чудо. Моя внучка Фифа⁷ познакомилась около гостиницы «Москва» с каким-то юношей и показала ему мою кандидатскую диссертацию на эту тему. И юноша сказал, что буквы латинские, а *La vie* — значит по-французски — жизнь. Конечно я и все мои ученики не прекратили исследования, но пока что приходится принять эту гипотезу.

говорят — четыре, друзья — два) была на ул. Радио, где лечилась от (диктую трудное латинское название болезни по буквам: Зина, Аленушка, Петя, Ольга, й). Пришлось за письмами послать грузовик, книги сложить в каком-то подвале, а Клаве строго предписать принять ванну, согрев воду в колонке стихотворными посвящениями. Свидетели утверждают, что колонка кипела. [л. 2 об.]

В сущности от рукописи осталось только одно примечание (местами тоже попорченное [л. 1 об.] океанской водой и самый конец интермедии).
[л. 1]

VI.

По-видимому окончание интермедии, о которой
пойдет речь в Примечании

Арлекин, плясун и насмешник!
Перед ним самый смрадный грешник —
Воплощенная благодать.⁸

Танец. Все трое танцуют. Остальные встают, пытаюсь выразить восхищенье. Кажется, что над ними кружатся черные птицы и они отделены от мира траурными вуалями.

Автор (показывая на них, бормочет):

Ту полночную Гофманиану
Разглашать я по свету не стану
И других бы просила...⁹

Слышится или чудится шуршанье Сплетни(?). В заднике открывается арка и оттуда выпадает выгнутый крутой мост. Маскарадная толпа расступается, и все трое проходят по этому мосту в какое-то теплое желтое сияние¹⁰ — Победа Жизни.

Голос Лепорелло:

Andiamo al'osteria
A cercar padron millior¹¹ [л. 3]

VII.

Продолжение примечания

...по мощному таинственному ходатайству была снята, что Коломбину и Драгуна исполняли знаменитые артисты того времени, а Арлекина — некто никогда не открывший своего лица и называвшийся одной буквой

(смыта океанской водой). Говорят [л. 3] (*on dit* или *la légende veut*¹²), что он (Арлекин) приезжал на репетиции в черной карете с такого же цвета пуделем (что, однако, не невозможно), что он в жизни очень заметно хромал, а на сцене был воплощенной грацией, что вопрос о его смерти окутан столь непроницаемой тайной, что никому даже в голову не приходило распутать ее и т.д.

Гораздо страннее, что еще более необыкновенная жизнь и ужасная смерть постигли всех участников этого невиннейшего представления.

Некоторые из них просто пропали — навсегда и неизвестно куда (примеры). Другие, как например редактор, сошли с ума и, кажется, еще до сих пор находятся в сумасшедшем доме (ему чудится, что телефонная трубка приросла к его уху и голос с грузинским акцентом пугает его). Но большая часть, как это ни странно, была казнена за совершенные ими в разное время преступления.

Жив, здоров и пользуется прекрасной репутацией один только «Гость из будущего»¹³ (в пьесе только <вышедший из одного зеркала, чтобы войти в другое> мерещится на задымленной стене пещеры).

Совсем уже апокалипсическая судьба постигла автора колдовской музыки к «Интермедии». Кажется, что все общество разделилось на две равные части. Первая вставляет его имя в самые блистательные перечисления, говорит о нем слова или, вернее, сочетания слов, не знающие равных; вторая считает, что из его попыток ничего не вышло, что это *une existence manquée*;¹⁴ *tertium quid*,¹⁵ который неизбежно образуется при разделе на две равные части, пожимает плечами и, — *tertium quid* всегда отлично воспитан, — спрашивает: «Вы уверены, что когда-то был такой композитор?» и считает его чем-то вроде поручика Кижж.¹⁶

Выяснив все эти факты, пишущий [л. 4] эти строки случайно наткнулся на вопрос о самом авторе либретто. Ему посчастливилось узнать, что в

разное время либретто приписывалось <двенадцати> семи разным авторам, все они опровергли печатно этот нелепый слух и намекали, что это просто перевод. Однако пишущий эти строки на этом не успокоился и поехал в город N к знаменитому специалисту по истории балетного либретто (автору нашумевшего в свое время труда «Либретто и борьба с ним»). У маэстро ответ был давно готов: «Тоже Кристофер Марло».¹⁷

Однако старый слепой — внук театрального суфлера остановил выходящего от знаменитости пишущего эти строки и проворчал: «Не верьте старику, у него микромаразм».

.....

Женских ролей там, как известно, было две. Одна из них (амплуа комическая старуха) в возрасте <81> 61 года была зарезана из ревности матросом в загородном парке города N. Другая (главная героиня) получила предписание покинуть театр и посвятить себя уходу за собственной могилой. Каждый день зимой и летом, одетая в ничуть не театральное рубище, то с лопатой, то с граблями и какой-то рассадой, она приходит в сравнительно мало посещаемый угол кладбища и подолгу возится возле скромной, но пристойной гранитной плиты. Могилу изредка посещают какие-то господа без шляп и пожилые дамы с целыми цветниками на голове, они почему-то [л. 4 об.] становятся у плиты на колени, достают какие-то мешочки и наполняют их землей с могилы. Поэтому бывшая премьерша должна раз в месяц приносить свежий запас земли. Кажется, зимой в сильный мороз это не так уж просто, а нести на спине мешок с землей будто тяжеловато, но это уже детали.

У здания театра, где она когда-то играла, поставлен ее бюст работы знаменитого скульптора (стерто океанской водой) с теми же датами, что и на могиле; на всех 12 домах, где она жила* — мраморные доски (на 13-ом,

* Пять из них по-видимому построены после ее смерти. Но это ничего не меняет. Причина смерти варьируется в зависимости от собеседника, от кесарева сечения — до блаженного успения, т.е. от старости, [л. 5] Далее следуют все варианты самоубийств.

где она живет сейчас, такой доски нет). Этим, кажется, посмертные почести и ограничиваются. В этой тринадцатой ее¹⁸ квартире нам побывать не пришлось, во-первых, потому что в такие районы ходить небезопасно даже днем, затем, по слухам, лестница, кажется, из известного фильма «Рим в 11 часов».¹⁹ Тем не менее некоторые сведения нам получить удалось. Из документов самый интересный — жалоба соседей на то, что она поет ночью во сне и этим не дает спать другим (перегородка не доходит до потолка). Это бы ничего, но, как известно, такого второго голоса нет в мире, и, если какому-нибудь злоумышленнику придет в голову поставить поблизости магнитофон, может пойти насмарку [л. 5] все усилия знаменитого хирурга R., так успешно сделавшего ей пластическую операцию, что ее родная мать не узнает.

Из тех же «хороших» источников нам удалось узнать следующее. Когда примерно раз в три года является (возникает)²⁰ потребность получить от нее некоторые сведения, она ведет себя не достаточно корректно: действительно данную ей еще в (смыто океанской водой) году цитату о ее «провалах», о нелюбви к ней театральной публики она повторяет сносно, но на следующие вопросы отвечает недостаточно обдуманно.

Специально занятые ее бытом соседи по квартире Самоваров и Васипович недавно сообщили, что она при свете луны пишет углем за печкой что-то на стене, а затем снова прикрывает написанное обоями. Пришлось выкрасить комнату масляной краской оранжевого колера. Очень мило! Что же касается ее «писанины», то это такой вздор, что мы его приводить не будем, однако Васипович подал «особое мнение» и просил обратить внимание на строки:

Какой-то коллекционер-любитель собрал 18 способов, посредством которых она рассталась с этим миром. Мы не будем их перечислять. Напомним только: волны Черного моря (хотя, как известно, она плавает не хуже щуки), окно собственной комнаты (хотя она жила в полуподвальном этаже), кухонный газ (хотя в те отдаленные времена кухни отапливались только дровами)], [л. 5 об.]

Трещотка прокаженного

В моей руке поет.²¹

«Может быть, у нее в самом деле проказа?» [л. 5 об.]

* * *

Двойников своих она может считать дюжинами. Они появляются в разных пунктах земного шара и так же быстро отцветают, как расцветают, и не успевают принести особого вреда. По словам ее старых и кое-где уцелевших друзей она сама себя считает не то чьим-то двойником — не то чьим-то эхом,^{*} но чьим, старики и старухи забыли. [л. 12]

VIII.

Энума элиш

Действующие лица

(На лестнице. — Пролог. — Под лестницей) [л. 12]

IX.²³

ПЛАН

I. Театральная уборная. X, X² и Фрося. X — ломает руки — нет конца «Пролога». Входит X². Ей ведомы начала и концы...²⁴ Двойники переодеваются.

II. Пещера. Подробное описание. X² в сомнамбулическом сне, за ней — вороны. Молится, не приходя в себя, и ложится на овчину.

Некто на стене: Ты звала меня?

X²: Ты кто?

Некто: Я тот, к кому ты приходишь каждую ночь, и плачешь, и просишь тебя не губить. Как я могу тебя губить? — я не знаю тебя и между нами два океана.

^{*} Сама себя она считала эхом Пещерным древним и ночным.²² [л. 12]

*X*²: Узнаешь. Сначала ты узнаешь не меня, а одну маленькую книжку, потом [не дописано] [л. 8]

X.

Театральная уборная. *X* и *Фрося*.

Или так:

Фрося гримирует *X*. Та ломает руки.

X: Нет, это невозможно. Я не успела кончить — там всего полпьесы. Будет скандал.

Фрося: Скандал все равно будет и еще какой, мировой. У нас все можно.

Входит высокая женщина в парандже,
с корзиной фиалок.

X (почти плачет): Я не могу, не могу.

Женщина: Бери паранджу и иди в сквер продавать фиалки — я за тебя сыграю.

X: Там играть нечего.

Женщина сбрасывает паранджу —
оказывается двойником *X*.

X (пятится): Кто ты?

Женщина: Я — ты ночная.²⁵ (*Фросе*). А ну дай роль. Та протягивает мятые листы).

X: Там полпьесы.

Женщина: Ничего, я сейчас сделаю конец.

X: Там стихи.

Женщина: Стихи-то все равно я пишу. Какие там последние слова?

X: «Неизвестный становится на одно [л. 21] колено и с смертельным криком исчезает».

Женщина: Ладно. (Пишет). Знаю.

Орел Федя: Беда!..

Слышна музыка.

X² (бормочет): «Прощай, прощай!!!

Ton époux court le monde, et ta forme éternelle

Veille près de lui quand il dort...»²⁶

Нет, не так — так не поймут. «Мы оба будем знать, что за дверью гибель, но другая сила возьмет верх даже над страхом, даже над жалостью, даже...

А теперь гуляй, мой лебедь,

И три года жди меня...»

(Монолог — о их первой встрече) [л. 22]

XI.

X перед зеркалом. Ее гримирует Фрося.

X: Не могу, все равно не могу.

Фрося: Брось трепаться. Все — можешь.

X: Никто не знает, что у «Пролога» нет конца. Я не успела. Его нельзя играть.

Фрося: У нас все можно...

Голос-эхо: Все можно...

Обе женщины в ужасе. Из зеркала выходит двойник X.

Двойник: Мне ведомы начала и концы

И жизнь после конца и что-то

О чем еще не надо говорить.

X: Кто ты?

Двойник: Я — ты ночная. Мне надоело во сне. Я буду делать все, о чем ты думала, но Фрейд²⁷ тут ни при чем. Я все сделаю сном, а явь спрячу в мешок.

X: А что же я буду делать?

Двойник: Наденешь паранджу и пойдешь в сквер продавать фиалки.

Набрасывает на нее паранджу и выталкивает за дверь. К Фросе:

Дай роль.

Читает, бормочет:

Слабо, в лоб, не то, я им сейчас покажу.

Пляшет. Орлу:

Федя, [не дописано] [л. 26]

XII.²⁸

*H*¹: Ты дописала до конца?

*H*²: Почти.

*H*¹: Но до какого места?

*H*²: (небрежно смотря в рукопись):

Окровавленная и пустая,

Но она должна быть, наша связь.

*H*¹: А дальше?

*H*²: Я буду импровизировать.

Фрося: Воображаю.

*H*²: Ты всегда воображаешь. Заколи лучше этот шов.

Фрося (закалывая): Ах, догуляетесь обе.

*H*²: Значит, я играю тебя?

*H*¹: Да. (В парандже и с фиалками уходит.)

Вдали оркестр играет еще неслыханную увертюру.

Фрося подает телеграмму. *H*² читает, роняет телеграмму.

*H*² (бормочет): Боже мой! Опять...

Помреж (приоткрыв дверь): Ваш выход.

*H*² уходит. *Фрося* поднимает телеграмму и читает вслух.

Фрося (читая): «Поздравляю. Жду, как всегда, за поворотом».

Звонит телефон.

Фрося (берет трубку): Слушаю. Театр. Передать в антракте? Слушаю. Записываю. (Повторяет.) «Я сижу в третьем ряду, когда будешь танцевать

Чакону, брось мне розу».²⁹ (Про себя.) Опять этот? И сколько раз я в глазок глядела! Третье место в третьем ряду всегда пустое. [л. 44]

XIII

Пещера с отверстием в своде. Оттуда зеленые беспощадные лучи луны. На полу остатки костра. Стены, почерневшие от саксаульного дыма. Наверху появляется Х. Пляшет. Сходит вниз по почти отвесной стене. Молится и ложится на овчину в углу. Влетают вороны.

Орел (просыпаясь, спрашивает): Как, что?..

Вороны (хором): Плохо, совсем плохо.

Орел: Опять?

Вороны: Стреляли в нее.

Орел: Кто стрелял?

Вороны: Из толпы.

Орел: Зачем толпа? (Старшему ворону). Рассказывай ты.

Старший ворон: Она шла, как всегда, по карнизу и вдруг вошла в окно, где была музыка. Мы думали: ничего, и вдруг слышим — она плачет. Вышла и пошла дальше, за ней человек...

Орел: Насмерть?

Вороны (хором: Конечно, конечно!!! Собрались люди — кричали: одни — призрак-привидение, другие — религиозная пропаганда, муллы подстроили.

Орел: А кто стрелял?

Вороны: Солдаты.

Орел: А что говорили?

Вороны: А мы почему знаем?— По-русски. Мы узбекские вороны, мы по-русски не обязаны... А она идет, вся светится, ничего не слышит, и как спустилась, непонятно, и все бормочет... Послушай, я запомнил. Хочешь, сыграю на бубне?

Орел: Тише, разбудишь.

Х (приподнимается на локте): Да, да, — это я. Можно. [л. 25]

На стене в пятне саксаульного дыма проступает кто-то.

Кто-то: Ты звала меня?

Она: Да, я хотела сказать тебе, что до нашей первой встречи осталось ровно три года.

Кто-то: Как долго, сделай, чтоб скорее.

Она: Я не могу, я ничего не могу.

Кто-то: Или все.

Она: Нет, я только все вижу.

Кто-то: Как я найду тебя?

Она: Ты сначала найдешь не меня, а маленькую белую книжку и начнешь говорить со мною по ночам во сне. И это будет слаще всего, что ты знал.

Кто-то: Это уже случилось, но в книжке нет твоего голоса. А я хочу так, как сейчас. А почему я пойду к тебе?

Она: Из чистейшего злого низменного любопытства, чтобы убедиться, как я непохожа на свою книгу.

Кто-то: А дальше?..

Она: А когда ты войдешь, то сразу поймешь, что все пропало. И ты скажешь мне те слова, которые мы оба так хотели бы забыть. Забыть, разве такое счастье бывает на земле!

Он: Увы! — я уже сейчас помню, как будет пахнуть трагическая осень, по которой я приду к тебе,³⁰ чтобы погубить тебя, не коснувшись твоей руки, не поглядев в твои глаза. [л. 23]

Она: И уйдешь и оставишь дверь открытой таким бедам, о которых не имеешь представления.

Он: А ты?

Она: Я долго и странно буду верна тебе и холодными глазами буду смотреть на все беды, пока не придет Последняя.³¹

Он: Какая?

Она: Та, что была за поворотом и мне ее не показали, когда во время тифозного бреда я видела все, что случится со мной. Все... до поворота. [л. 24]

XIV³²

X (засыпая, диктует — орел пишет):

...и никакого розового детства,
ни добрых тетей, ни страшных дядь,
ни даже

товарищей из камушков

речных.

Себя чуть помню — я себе казалась
событием невероятной силы
иль чьим-то сном, иль чьим-то

отраженьем

или ночным глухим пещерным

ЭХОМ

Уже в пять лет я двойников

своих

Искать ходила, и казалось мне,
Что видела их сотнями повсюду.

То мне казалось, что меня к чужим
Подбросили — и никого не знаю,
И злодеяние в себе несу,
И это вот-вот откроют люди.

А в зеркале я за спиной своей
Так часто что-то лишнее видала [л. 14 об.]

XV³³

Пещера. Гость из будущего проступает как тень на каменной стене.

X (приподымается, не открывая глаза, протягивает к нему руки и бормочет):

Знаешь сам, что не буду славить.³⁴

Он: До нашей первой встречи осталось еще три года.

Она: А до нашей последней встречи всего только год: сегодня 2-е апреля 1962 года.

Он: Ты бредишь. Ты всегда бредишь. Что мне с тобой делать? И всего ужасней, что твой бред всегда сбывается.

Она: Сказать тебе, чего мы будем бояться, когда встретимся?

Он: Скажи.

Она: Умереть от нежности друг к другу.

Он: Да, умереть от нежности друг к другу

<Бояться будем> Боялись мы...³⁵

Она: Это еще не самое худшее.

Он: Тот ужас, который <возник> возникнет от нашей <последней> встречи, погубит нас обоих.

Она: Нет, только меня. Может быть, ты хочешь не появляться?

Он: Да — хочу. И чем больше хочу, тем несомненной появлюсь. Если бы не эта жажда. Позволь мне подойти к тебе...

Она: Ты знаешь, что если подойдешь, мы оба проснемся. А где и кем окажемся?.. И это будет вечная разлука.

Он: Зачем ты такая, что тебя нельзя защитить? Я ненавижу тебя за это. Скажи, ты боишься?

Она: Я боюсь всего, а больше всего тебя. Спаси меня.

Он: <Будь проклята> <Кто тебя проклял?> Будь проклят день, когда я взял в руки твою книгу.

Она: <Ты лучше всех знаешь, что я проклята, и кем, и за что.>

Он: Ты знаешь, что ждет тебя.

Она: Ждет... ждет... Жданов...

Слетаются вороны и хором повторяют последнее слово. Адские смычки, [л. 40]

XVI³⁶

Гость из будущего проступает, как тень на каменной стене.

X (садится, но не открывая глаза, протягивает к нему руки и бормочет):

Знаешь сам, что не буду славить...

Он: До нашей первой встречи осталось еще три года.

<*X:* Дорогою ценой и нежданной
Я пойму, что ты помнишь и ждешь,
А быть может, и место найдешь
Ты могилы моей безымянной.³⁷>

Она: А до нашей последней встречи всего только год. Сегодня <2 апреля 1962 года> 28 августа 1963.

Он: Ты бредишь, ты всегда бредишь. Что мне с тобой делать? И всего ужаснее, что твой бред всегда сбывается.

Она: Это еще не самое худшее.

Он: Тот ужас, который возникнет от нашей встречи, погубит нас обоих.

Она: Нет, только меня. Может быть, ты хочешь не появляться?

Он: Да — хочу. И чем больше хочу, тем несомненнее появлюсь. Если бы не эта жажда. Позволь мне подойти к тебе... [л. 15 об.]

Она: Ты знаешь, что если подойдешь — мы оба проснемся, а где и кем окажемся... И это будет вечная разлука.

Он (молча закрывает лицо руками): Зачем ты такая, что тебя нельзя защитить? Я ненавижу тебя за это. Скажи, ты боишься?

Она (протягивая руки): Я боюсь всего, а больше всего — тебя. Спаси меня!

Он: Будь проклята.

Она: Ты лучше всех знаешь, что я проклята, и кем, и за что.

Он: Ты знаешь, что ждет тебя?

Она: Ждет, ждет... Жданов.

Слетаются вороны и хором повторяют последнее слово.

Адские смычки.

Я разбудила моих птичек. Смотри, не проснись и ты.

Он: Я проснусь только, если коснусь тебя.

Выходит из стены и становится на одно колено.

Все равно — я больше не могу терпеть. Все лучше, чем эта жажда. Дай мне руку.

Удар грома. Железный занавес. [л. 15]

XVII

Она: Мы разбудили моих птичек — смотри не проснись и ты.

Он: Я проснусь только если коснусь тебя.

Выходит из стены, становится на одно колено.

Все равно — все равно я больше не могу терпеть. Дай мне руку.

Удар грома.

Железный занавес. [л. 46]

XVIII³⁸

Просцениум.

Две тени

Первая

Мир не видел такой нищеты,

Существа он не знает бесправней,

Даже ветер со мною на ты

Там, за той оборвавшейся ставней.

Но за те восемнадцать строчек
Подари мне «вдовый кусочек»,
Расскажи всем мою судьбу
И к какому бреду столбу.
<Дорогою ценой и нежданной
Поняла, что <ты помнишь и ждешь> он
помнит и ждет,
А быть может и место <найдешь> найдет
Ты могилы моей безымянной.>

Вторая

Ах! тебе еще мало по-русски
И ты хочешь на всех языках
Знать, как круты подъемы и спуски
И почему у нас совесть и страх.

Страх-то дешев, а с совестью худо:

Не достать нам ее ниоткуда.

Проходят. [л. 14]

XIX.

По просцениуму проходят две тени. Полный мрак. В его руке карманный фонарик. Он ведет ее за руку. Оба в длинных черных плащах.

Она

Мир не видел такой нищеты,
Существа он не знает бесправней,
Даже ветер со мною на ты
Там, за той оборвавшейся ставней.

Он

Ишь ты!

Она

Но за те восемнадцать строчек

Подари мне вдовий кусочек,

Расскажи им мою судьбу

И к какому иду столбу.

К р и к из з р и т е л ь н о г о з а л а

Не она! Не она! Не та!

Он

Ах, тебе еще мало по-русски

И ты хочешь на всех языках

Знать, как круты подъемы и спуски

И почему у нас совесть и страх.

Она

Дорогою ценой и неожиданной

Я пойму, что он помнит и ждет,

А быть может, и место найдет

Он могилы моей безымянной.

Он

Я что-то не вижу суфлерской будки. Хочешь, я войду с тобой в пещеру, стану за уступ и буду подавать тебе текст?

Она

Я Бога молю забыть хоть что-нибудь. [л. 45]

XX.

Гость: Ты устала?

Х: Да. Я говорила с ними.

Гость: Кто они?

Х: Мертвые.

Гость: Что они тебе сказали?

Х (молчит).

Появляется вереница теней. Кому-то из них *Х* кланяется в ноги.

Другого целует в лоб. Шествие теней исчезает.

Гость: Я хочу быть твоей последней бедой... Я больше никому не скажу те слова, которые я скажу тебе.

Х: Нет, ты повторишь их много раз, и даже мое самое любимое: «Что вы наделали — как же я теперь буду жить!»³⁹

Гость: Как, даже это?..

Х: Не только это — и про лицо: «Я никогда не женюсь, потому, что могу влюбиться в женщину только тогда, когда мне больно от ее лица...»³⁹

Гость : И я забуду тебя?

Х: Да. Но дух твой без твоего ведома будет прилетать ко мне. [л. 16]

XXI.

Двое встречаются наверху. Видны только их тени.

Один: Берегись, здесь дыра...

Другой: Вижу, с такой лунищей не оступишься.

Первый: Говорят, она где-то тут прячется.

Заглядывает вниз. Вороны кричат.

Да тут полно воронья.

Другой: Мне наш сосед рассказал. Тот ее музыкой заманил. Что-то ихнее прежнее заиграл, она и прыгнула в окно.

Первый: А зачем сам-то за ней пошел?

Другой : Поди — узнай. Он — мертвый, а она ничего не помнит.

Первый: Ну все равно — надо с ней кончать.

Другой : А как же, мой мальчишка и тот туда же: «Я бы за ней всюду», — говорит.

Первый: Зараза!

Снизу голос *Х:*

Предо мною опять эта дверь его,
Только в дом его я не войду,
Пусть была из волшебного дерева
Скрипка, что мне играла в аду.

Второй: Уйдем!

Другой: А я бы послушал еще!

Кто-то на стене: Часы твои сочтены...

Х: [не дописано] [л. 35]

XXII⁴⁰

Он: Они убьют тебя? — Убьют сегодня?

Она: Нет, хуже. Сегодня они убьют только мою душу.

Он: Как же ты будешь жить?

Она: Никак. Я буду не жить, а ждать Последнюю Беду, а она придет не скоро.

Он: Хочешь, я совсем не приду?

Она: Конечно, хочу, но ты все равно придешь.

Он: Я уже вспоминаю наши пять встреч в страшном полумертвом городе в проклятом доме — в твоей тюрьме в новогодние дни, когда ты из своих бедных нищих рук вернешь главное, что есть у человека — чувство Родины, а я за это погублю тебя. [л. 17 об.]

Она: <И я ждала или буду ждать> А после я буду ждать тебя ровно десять лет. И молчать. И ты не вернешься. Ты хуже, чем не вернешься. Но вместо тебя <пришла> придет Она:

Легконогая, легкокрылая,
Словно бабочка весела,
И не страшная, и не милая,
А такая же, как была.

Он: Это ты про Музу?

Она: Да.

Он: Она заменит тебе меня?

Она: Да, так же, как она заменяла мне всех и всё.

Он: А я забуду тебя?

Она: Забудешь, но раз в году я буду приходить к тебе во сне — Ариадна-Дидона-Жанна,⁴¹ но ты будешь знать, что это я. [л. 17]

XXIII.

Она (продолжает): Мы будем сидеть в моей полутемной комнате перед открытой печкой и, скрывая друг от друга, непрерывно вспоминать то, что происходит сейчас. А, может быть, ты в театре и любишь себя собой наскальным.

В зале — замешательство. Крик: воды, врача... Громкий стон.

Кто-то на стене: [не дописано] [л. 35]

XXIV.

Тень: Но как мы попадем туда? Ведь я за океаном, а ты здесь, в горах.

Она: Нас поведет туда та, для кого океан — лужа, а Памир не кровля мира, а крыша коровника. Гляди!

В пятне показывается Победа. Худая, высокая женщина с сумасшедшими глазами в кровавых лохмотьях. Гимны. Она приведет тебя с Запада, а меня с Востока, для самой главной встречи. И я молча буду молить тебя: спаси меня.

Тень (с надеждой): И я.

Она: И ты погубишь меня.

Тень: Я никогда никого не губил.

Она: И не будешь губить. Ты погубил меня одну. И на твою сторону перейдут все, даже всегда мне верная Муза. Я десять лет буду одна. Совсем одна. Десять лет и одна.

Тень (становится на колени): Сделай, чтоб этого не случилось.

Она: Сожги книгу, что лежит у тебя на столе.

Тень: Так вот ты кто!

Она: Да. [л. 41]

XXV.

Гость из Будущего: Может быть, убить тебя?

Х: И ты тоже. Все они хотели убить меня. По этой фразе — я узнаю, что ты еще не тот, кто это сделает — это он будет за поворотом (он всегда за поворотом), это его я еще не видела (*закрывает лицо руками*), а может быть, не увижу.

Гость: Хочешь, я спрячу тебя от него?

Х: Меня никто не может спрятать от него. Даже он сам.

Гость: За что он убьет тебя?

Х: Не за что, а зачем...

Гость: Зачем? Ты бредишь, ты всегда бредишь.

Х: Нет, ты когда-нибудь прочтешь об этом на всех языках. Чтоб слышать завещанный ему стон...

Гость: Я нашлю на тебя немоту.

Х: Нет, ты изменишь мне в десятую годовщину нашей встречи. Так делали все.

Гость: А он?

Х: Не говори о нем — мне страшно, а вдруг он услышит.

Голос: Ты спишь еще?

Х (очень спокойно): Вот чего я боялась всю жизнь. Сплю.

Голос: Дай мне сейчас талисман, по которому я узнаю тебя на земле.

Х (покорно): Слушай. (Поет или произносит):

«Никого нет в мире бесприютней

.....

А нежны, как первая трава».

Голос: А ты простишь меня?

Х: А ты не будешь просить прощения. По каким приметам я узнаю тебя?

Голос: Ты знаешь...

Х: А все-таки скажи.

Голос: Ты знаешь...

Х: Я знаю только одно. Ты будешь тем, чего больше всего я боялась в жизни и без чего я не могла жить — вдохновением.

Голос: Я был с тобой столько раз, и когда ты молилась Маргаритой и плясала Саломеей,⁴² изменяла Бертой Бовари⁴³ и когда ты спасала душу и губила тело, и когда ты [л. 33] спасала тело и губила душу, и когда с своей знаменитой современницей колдовала, чтобы вызвать меня, и я даже начинаю подозревать, что ты и она — одно.

Х: Нет, только не это.

Голос: И я понял, что мне нужно только одно — твой стон, что без него я больше не могу, и пусть я знаю, что я один виновник всего, всего. Мне довольно тебя с другими! и твоих стихов — другим, и всего, всего твоего.

Х: Но ты во мне, и я в тебе...

Голос: Неправда. Слушай:

Будь ты трижды ангела прелестней

.....

От нее освободишь меня.

Какое-то замешательство. Сначала обыкновенный, затем железный занавес. [л. 34]

XXVI.⁴⁴

Антракт (за кулисами)

Перед занавесом, упавшим в глубине сцены.

Младший: Видел, первую скрипку вперед ногами выволакивали? Как без него и пьесу кончать будут!

Старший: А полковница в III-ей ложе? Муж бушует (матерится),⁴⁵ жаловаться, говорит, будет. Интересно, кому только?

Младший: Не очнулась? А иностранец...

Старший (перебивает): С пластырем на глазу? —

Младший: Да. Лежит у директора. Сообщили кому надо.

Старший: А как же. Может, это условный знак. Время — военное.

Проходит безмолвная фигура в парандже. [л. 13]

XXVII.⁴⁶

...

Кто-то заглядывает в пещеру сверху. Гость из будущего
возвращается в стену и меркнет. Луна.

Голос: Ты спишь?

Она (очень спокойно): Вот этого я боялась всю жизнь. Это ты
<будешь> был за поворотом?

Голос: Да. <Повтори то, что> Скажи мне то, что ты <сказала прошлый
раз> мне скажешь там — во время нашей <горчайшей> встречи.

Она: Отчего я узнала тебя по голосу?

Голос: Оттого, что я делил

- - - - -

Она: Никого нет в мире бесприютней
И бездомнее наверно нет,
Для тебя я словно голос лютни
Сквозь загробный призрачный рассвет.
Ты — с собой научишься бороться,
Ты — проникший в мой последний сон,
Проклинай же снова скрип колодца,
Шорох сосен, черный грай ворон,
Землю, по которой я ступала,
Желтую звезду в моем окне,
То, чем я была и чем я стала,
И тот час, когда тебе сказала,
Что ты, кажется, приснился мне.

И в дыхании твоих проклятий
Мне иные чудятся слова,
Те, что туже и хмельней объятий,
А нежны, как первая трава...

Голос: Ты простишь меня?

Она: Ты не будешь просить прощения. Покажи мне свое лицо и... глаза.
Я должна хоть раз поглядеть в твои глаза.

Голос: Я не могу — меня нет. [л. 9]

XXVIII.⁴⁷

...

Кто-то заглядывает в пещеру сверху. *Тень* в стене меркнет.

Луна.

Голос: Ты спишь?

Она (очень спокойно): Вот этого я боялась всю жизнь! Это ты будешь за поворотом?

Голос : Да. [л. 10]

Она: Отчего я узнала тебя по голосу? Ведь мы⁴⁸ никогда не встречались...

Голос: Оттого что я делил с тобою

Первозданный мрак...

Чьей бы ты ни делалась женою,

Продолжался (я теперь не скрою)

Наш преступный брак.

Мы его скрывали⁴⁹ друг от друга,

От себя, от Бога, от конца,

Помня место Дантовского круга⁵⁰,

Словно лавр победного венца. [л. 10, а также 19]

XXIX

Он

Оттого что я делил с тобою
Первозданный мрак,
Чьей бы ты ни сделалась женою,
Продолжался — я теперь не скрою
Наш преступный брак.
Мы его скрывали друг от друга,
От людей, от Бога, от конца,
Помня место Дантовского круга,
Словно лавр победного венца.
Видел новобрачную во храме,
Видел и живую на костре,
Видел и побитою камнями,
И забавой в демонской игре.
Отовсюду на меня глядела,
Отовсюду ты меня звала,
Мне живым и мертвым это тело
Ты, как жертву Богу, отдала.
Ты одна была моей судьбою,
Знала, для тебя на все готов,
Боже, что мы делали с тобою
Там, в совсем последнем слое снов!
Кажется, я был твоим убийцей
Или ты... Не помню ничего.
Римлянином, скифом, византийцем
Был свидетель срама твоего.
И ты знаешь, я на все согласен,
Прокляну, забуду, дам врагу,
Будет светел мрак и грех прекрасен,
Одного я только не могу —

То, чего произнести не в силах,
А не то что вынести скорбя,
Лучше б мне искать тебя в могилах,
Чем чтоб вовсе не было тебя.
Но маячит истина простая:
Умер я, а ты не родилась...
Грешная, преступная, пустая,
Но она должна быть — наша связь!

Она

Лаской — страшишь, оскорбляешь —
Мольбой

- - - -л. 43]

XXX.

Она: Все это было — все ото будет...

Голос: [не дописано] [л. 20]

XXXI.

Х (встает, протягивает руки): Что я дам тебе, чтобы ты узнал меня:
розу, яблоко, кольцо?

Голос: Нет.

Мне довольно слушать небылицы

И в груди лелеять эту боль. [л. 34 об.]

XXXII.⁵¹

Х: И ты придешь не в черный час беды, а когда жизнь побежденная и усмиренная будет стлаться мне под ноги ковром и сам ты будешь, как две капли воды, похож на счастье... А я буду тебя ревновать?

Голос: Мы будем все время испытывать одно и то же. И это, может быть, будет трудней всего. И это будет та степень духовного слияния, о которой никто еще не имеет представления. И в этом уже будет —

преступление. Мое? Твое? Наше? В этом будет весь ужас и все отвращение кровосмесительного брака — то, от чего бежал Эдип... [л. 34]

Х: Но оно догнало его и ослепило. [л. 34 об.]

XXXIII.

Голос: Мы будем делать все, что нельзя... Мы будем беспощадно уничтожать друг друга. Наша призрачная близость будет казаться нам чем-то ужасным, запретным и темным.

Она: Где б ты ни был, ты делил со мною
Непроглядный мрак,
Чьей бы ни была тогда женою,
Продолжался (я теперь не скрою)
Наш преступный брак...

Он: Но это только начало [л. 6 об.]

XXXIV.

Она

С каждым разом глуше и упорней
Ты в незримую стучался дверь,
Но всего страшней, всего позорней
То, что совершается теперь.
Даже эта полночь не добилашь,
Кто возлюбленная, кто поэт,
Не погибла я, но раздвоилась,
А двоим нам в мире места нет.

Он

Ты жажда моя, а она утоление,
Бессонница ты, сновиденье она,
В тебе умирание, ужас забвения,
В ней все, что зовется на свете Весна.

Она

Сколько б другой ни выдумал пыток,
Верной ему не была,
А ревность твою, как волшебный напиток,
Не отрываясь, пила.

Он

Будь ты трижды ангелов прелестней

----- [л. 42]

XXXV.

Она: Но я вдыхаю тебя с каждым глотком воздуха, пью тебя в каждой капле вина... и в смычках, когда они — ты знаешь, ты все знаешь... и в цветах, особенно в умирающих розах, и оттого в розариуме у меня до обморока кружится голова, потому что мне кажется, что ты зовешь меня.

Голос: Я никогда не зову тебя, я всегда с тобой и даже больше... Я знаю — я отравляю тебя, а ты меня, я становлюсь — тобой, ты — мной, мы оба гибнем друг в друге, а Жажда все растет. [л. 36]

Она

Знаю, как твое иссохло горло,
Как обуглен и не дышет рот
И какая ночь крыла простерла
И томится у твоих ворот
И какими черными лучами
Через (Сквозь)⁵² тебя грядущее текло [л. 37, а
также л. 20 об.]

----- пламя

Как сквозь (Через)⁵³ задымленное стекло.

Он

----- .

----- .

Она говорит:

Сколько раз менялись мы ролями,
Нас с тобой и гибель не спасла,
То меня держал ты в черной яме,
То я голову твою несла,
Оттого что был моим Орфеем,
Олоферном, Иоанном⁵⁴ ты,
Той мечтой бездонною лелеем
И своей не зная красоты. [л. 37]

[Голос:] Только твой стон может меня спасти. Не губи меня! Скорее,
скорее!

Она: Что ты называешь моим стоном? Неужели...

Голос: Будь ты трижды ангелов прелестней,
Будь родной сестрой заречных ив,
Я убью тебя своею песней,
Кровь твою на землю не пролив.
Я тебя рукой своей не трону,
Не взглянув ни разу — разлюблю,
Но твоим невероятным стоном
Жажду, наконец, я утолю,
Ту, что до меня блуждала в мире
Льда — суровой, огненной огня,
Ту, что и сейчас стоит в эфире,
От нее освободишь меня.

Она приподнимается, потягивает руки и, не открывая глаза —
бормочет. Все звуки замолкают.

Черная тишина.

...А вот они опять передо мною,
Алмазные и страшные глаза,

Какие и у музыки бывают,
Когда она на самой грани
Какой-то верной гибели скользит, [л. 36]
И слушатель тогда в свое бессмертье
Вдруг начинает верить безусловно...

Он (перебивая): Нет, не то, совсем не то... Еще, еще...

Она: Лаской — страшишь, оскорбляешь —
мольбой,

входишь без стука,
все наслаждением будет с тобой,
даже разлука.
Пусть разольется в зловещей судьбе
Алая пена,
Но прозвучит, как присяга — тебе
даже измена.
Той, что познала и ужас, и честь
жизни загробной...
Имя твое мне сейчас произнести
смерти подобно... [л. 11]

XXXVI.

Кабинет директора

Помреж (вбегает): Не дать ли занавес?

Директор: А что?

Помреж: Да она не то говорит. Всех нас погубит.

Директор (испуганно): Политическое?..

Помреж : Нет, нет... бред какой-то любовный, и все стихами...

Директор (успокоясь): Стихами? Вздор! Послушать, разве? Я сам, когда-то в молодости, писал стихи. О публике не беспокойтесь. Кто это когда-нибудь заметил отсебятину на сцене?

Подхалим: Как это верно.

Ее голос: Этот рай, где мы не согрешили,
Тошен нам,
Этот запах смертоносных лилий,
И еще нестыдный срам.
Снится улыбающейся Еве,
Что ее сквозь грозные века
С будущим убийцею во чреве
Поведет любимая рука. [л. 47]

XXXVII.⁵⁵

Из «Пролога» (часть 3-я)

Неожиданно налетает [вихрь] адской силы. Гаснут свечи на судейском столе. Пыль столбом. Минуту зритель ничего не видит, а когда свет снова загорается, за судейским столом рядом с самым толстым сидит некто в голубой фуражке.

Некто (очень громко, читает): Г-ка Х привлекается к ответственности, согласно статье Уголовного кодекса... пункт... по обвинению в убийстве...

Х (перебивает): Кого?

И все с ужасом видят, что она наконец открыла глаза, но ее огромная грива совершенно седая.

Некто в голубой фуражке (грубо): А вы сколько убийств совершили?

Соперница: Я как общественный обвинитель должна до начала разбирательства зачитать список ее жертв.

Лучшая подруга (уже в прокурорском мундире, перебивает ее): Я бы сначала хотела бы выслушать свидетеля защиты.

Двое конвойных выводят под руки слепого юродивого Васю.

Вася: Вы чего меня держите? Я и так скажу. Она добрая, она мне яблочки давала.

Она (кричит): Вася!

Лучшая подруга в прокурорском обличье: Тайно давала отравленные яблоки для раздачи населению. Число отравленных еще не выявлено. (Конвою.) Уведите подсудимого.

Васю уводят.

Свидетелями обвинения оказываются все находящиеся на сцене, кроме неподвижной и безмолвной фигуры в парандже, продающей фиалки у входа в сквер. Ссоры в очереди свидетелей обвинения. Отдельные восклицания: [л. 38]

При мне хвалила Джойса...⁵⁶

Некоторые думают, что заброшена к нам неприятелем и спустилась на парашюте...

Я сам видел, как что-то летело с неба...

Торговала на Алайском рынке⁵⁷ паспортами...

Перебегала границу... Переплыла реку Пяндж... Украла подводную лодку.

Красавица: Увела у меня трех мужей.

Ханжа: У меня одного, который жил со мной пятьдесят лет. Мы ворковали как голубки.

Новый муж ханжи (в ужасе): Боже, сколько ж тебе лет?

Двое убийц из первого действия (к чьей-то спине): Зайди парень в аптеку, достань кокаину. (Показывает что-то блестящее). Хорош браслетик?

Некто в голубой фуражке (подзывая их): Если опознаете ее, катись дальше.

Они: Что вы, гражданин начальник. Мы разве что. А ее знаем, как облупленную. Она это Зайченко и Ахметова⁵⁸ сманила. Все показать можем.

Она: Кого я убила? [л. 39]

XXXIX.⁵⁹

Секретарь: Как ваше имя?

Х: Все так же...

Соперница (с места): Какая наглость!

Соперница — еще не старая, красивая, очень нарядная дама. В глазах — беспокойство.

Х — падает.

Соперница (с места): Это ее любимый прием. Предлагаю продолжать собрание.

Из мрака вылетает огромная птица и опускается на грудь *Х*. Это ее дрессированный попугай.

Секретарь (несколько смущенно): Товарищи! Кто тут врач?

Выходят шесть человек, трое — мужчин и трое женщин.

Посмотрите, что с ней.

Все шесть: Она умерла — оттого и упала.

Мордик-Бородач: Товарищи! Через четверть часа начинается генеральная репетиция моей только что разрешенной и увенчанной премией пьесы «Прохор Сыч — сын партизана».

Все вскакивают с мест и бегут за Мордиком, перепрыгивая через труп *Х*. Сцена опустела. Входит слепой. Клюкой нащупывает тело. Становится на колени, берет руку мертвой. Узнает ее по кольцам.

Слепой : Соседка... Упокой, Господи, душу усопшей рабы твоей... А имя-то ей как?

Занавес

Пасха. 1943. Ташкент [л. 12]

XL⁶⁰

Вася: А имя-то ей как?

Старый конец [л. 18]

Недалеко от стола — высокая неподвижная женская фигура в парандже. Продает фиалки.

Человек с скрипичным футляром: Дай мне, апа,⁶¹ три (показывает пальцами)...

Та протягивает ему цветы. Он платит. Пятится. Боже мои, где я видел эту руку?..

Женщина (по-русски): Ты ее еще увидишь.

Он: Скажи еще что-нибудь.

Она молчит.

Он: Хоть одно слово.

Она молчит.

Он: Кто ты?

Она молчит, [л. 22]

Сцена опустела. Над телом — Орел. Неподвижная фигура женщины в парандже. Подходит к телу:

Дешево отделалась, а (*бросает на мертвую все свои фиалки*) я только сейчас начинаю. [л. 18]

XLI

БОЛЬШАЯ ИСПОВЕДЬ⁶²

24 августа 1963

Но говорят — в разбомбленном когда-то,
А ныне восстановленном строенье
Нашли обрывки старого письма.
Подумаешь еще — делов палата,
Однако на поверку вышло так:
Знакомым всем тот показался почерк,
И всем мерещилось, что с ним такое
Уже когда-то в жизни приключилось,
И множество подобной чертовни.

(Диктуй, диктуй, я на коленях буду
Тебе внимать — неутолимой жаждой
И я больна — но это скроем мы.)⁶³
<Из этого хотел я повесть сделать>
Я захотел тут даже повесть сделать,
Но все заголосили! — Ни за что. [л. 28]
Довольно нам таких произведений,
Подписанных чужими именами,
Все это нашим будет и про нас.
А что такое наше? и про что там?
Ну, слушайте, однако. [л. 27 об.]

Вступление

Позвольте скрыть мне все: мой пол и возраст,
Цвет кожи, веру, даже день рожденья
И вообще все то, что можно скрыть,
А скрыть нельзя — отсутствие таланта
И кое-что еще, остальное ж
Скрывайте на здоровье. [л. 27]

Из исповеди

И эта нежность не была такой,
Как та, которую поэт какой-то
В начале века назвал настоящей
И тихой почему-то.⁶⁴ Нет, ничуть —
Она, как первый водопад звенела,
Хрустела коркой голубого льда
И лебединым голосом молила
И на глазах безумела у нас. [л. 27 об.]

* * *

Все было очень чинно и достойно:

Двадцатый век, Москва, весны начало,
Друзья и книги и в окне — закат.

Нам бы тогда же сделаться врагами,
Почувствовав, что что-то здесь неладно.
Но почему-то мы не догадались
И пропустили время. Ерунда!
Такое ли еще бывало в мире,
А впрочем, я не знаю! Не из ада ль
Повеял ветер или дуновенье
Волшебное вдруг ощутили мы.
Все кончено. Корабль идет ко дну.
И маски прочь — и я с тобой в плену
Еще <мы слышим> я слышу светлый клич
свободы
<Нам> Мне кажется, что вольность <нам> мой
удел,

И слышатся «сии живые воды»⁶⁵
Там, где когда-то юный Пушкин пел. [л. 29]

* * *

Мы, помнится, готовы были оба
Терпеть нежданные дары Судьбы
Как надлежит и с твердостью спокойной,
А может и насмешливо чуть-чуть.
Но умирать от нежности друг к другу
Боялись мы — и этот страх все рос
И постепенно заполнял пространство,
Которое и так неодолимо
И траурно лежало между нами...

И пересечь которое, пожалуй,
И в голову нам не могло придти.
Пусть рядом громко говорила Федра
Нам, гордым и уже усталым людям,
Свои невероятные признанья
И «больше не читавшая» Франческа⁶⁶
О первенстве заботилась своим.

Я понимаю, как все это сложно,
Но все же попытайся уцелеть. [л. 29 об.]⁶⁷

* * *

Так вот, когда с тобой беда случилась,
Беда случилась — ты ее познал.
Теперь ты знаешь, что ни с чем на свете
Ее нельзя сравнить и утолить,
Ту жажду, что приходит раз в столетье,
А может быть, и реже, бедный друг:
Ни ветрами свободных океанов,
Ни запахом тропических лесов,
Ни золотом, ни водкою кабацкой,
Ни шкиперским крепчайшим коньяком,
Ни музыкой, когда она небесной
Становится и нас уносит ввысь,
Ни даже тою памятью блаженной
О первой и несознанной любви,
Ни тем, что люди называют славой,
За что иной согласен умереть.

...

И только мы с тобою знаем тайну,

Как утолить ее, но мы не скажем
Под злою пыткой и друг другу даже.

Особенно друг другу... — Замолчи!⁶⁸ [л. 30]

Примечания

- ¹ Так А.А. Ахматова называла дачный домик, предоставленный ей для проживания Литфондом, в поселке Комарово на Карельском перешейке, в 40 км от Ленинграда.
- ² Раков Лев Львович (1904-1970) — историк, один из наиболее утонченных и «блестящих» (по отзыву встречавшейся с ним лэди Клементины Черчилль) представителей ленинградской интеллигенции; в молодости был близок к М.А. Кузмину, посвятившему ему книгу стихотворений «Новый Гуль» (Л.: Academia, 1924); в 1946-1949 гг. директор Гос. публичной библиотеки; в конце 30-х и в 1949-1956 гг. репрессировался по политическим обвинениям; один из соавторов созданного в заключении, а впоследствии ходившего в списках сборника вымышленных биографий пародийного характера «Новый Плутарх» (совместно с Даниилом Леонидовичем Андреевым и акад. В.В. Париным; издан в 1991 г.); обычное отношение Ахматовой к Ракову было неприязненным, как к посетителю дома Кузмина, откуда, как она неосновательно считала, распространились неблагоприятные для нее сплетни, но в данном случае она отдает должное его дару пародиста, объявляя его автором биографии вымышленного ею самодовольного тупицы-академика.
- ³ Литжи (у Ахматовой — Лиджи) — кличка собаки-колли, принадлежавшей Гитовичам, дачным соседям Ахматовой (сведения М.М. Кралина); существует фотография Ахматовой вместе с Литжи.

- ⁴ Контаминация французского «bébé» (малютка) и русского звукоподражания «бе-е-е», связанного с козой или овцой (см. ниже ассоциацию с козой в списке действующих лиц).
- ⁵ Ср.: «Чтоб горло повязать, я не имею шарфа» (О. Мандельштам. Камень. — М.-Пг., 1923. — С. 45).
- ⁶ Имеется в виду «Портрет Анны Ахматовой» (1914, Русский музей) работы Н.И. Альтмана (1889-1970); вместе с другими произведениями русского авангарда долгие советские годы находился в запасниках.
- ⁷ Имя фигурирует в одном из фельетонов знакомой Ахматовой, писательницы Н.И. Ильиной (сведения Р.Д. Тименчика).
- ⁸ Ср.: Поэма без героя, 110-113 (Анна Ахматова. Стихотворения и поэмы. — Л.: Сов. писатель, 1976. — С. 358), однако ясно, что модификация строк поэмы в интермедии связана с их отнесением здесь к другому лицу, а именно к счастливому сопернику драгунского корнета.
- ⁹ Ср.: Поэма без героя, 152-154 (Там же. — С. 359).
- ¹⁰ Ср. записи «О поэме» (июнь 1958 г.): «Сегодня ночью я увидела (или услышала) во сне мою поэму как трагический балет. [...] Ольга танцевала la danse russe rêvée par Debussy [русскую пляску в представлении Дебюсси], как сказал о ней в 13 г. Кирилл Владимирович, и исполняла пляску козлоногой и какой-то танец в шубке, с большой муфтой, как на портрете Судейкина, и в меховых сапожках. Потом сбросила все и оказалась Психеей с крыльями и в густом теплом желтом сиянии». (Жирмунский В.М. Творчество Анны Ахматовой. — Л.: Наука, 1973. — С. 168-169).
- ¹¹ «Пойдем-ка в кабачок // Приискать господина получше» (*ит.*) — слова Лепорелло из XVI, заключительного явления второго действия оперы Моцарта «Дон Жуан» (1787, текст Л. Да Понте), следующего за сценой, когда Дон Жуан проваливается в преисподнюю.

- ¹² Говорят; предание утверждает (*франц.*).
- ¹³ Фигурирует также в «Поэме без героя» (134-135).
- ¹⁴ Несостоявшаяся жизнь (*франц.*).
- ¹⁵ Третий [слой] (*лат.*).
- ¹⁶ Несуществующая личность, плод канцелярской ошибки в царствование Павла I из рассказа Ю.Н. Тынянова «Поручик Кижэ» (1928; в 1934 г. экранизирован на Ленфильме с музыкой Сергея Прокофьева). Ахматова явно имеет в виду своего близкого друга композитора-модерниста А.С. Лурье (1891-1966; с 1922 г. жил за границей). О нем и его отношениях с Ахматовой см.: Кралин М. Артур и Анна. — Л.: Ленингр. панорама, 1990.
- ¹⁷ Марло Кристофер (1564-1593) — английский драматург-«елизаветинец», предшественник Шекспира.
- ¹⁸ К этому месту в рукописи относится заключенная в квадратные скобки помета: 2 апреля 1962. Ленинград.
- ¹⁴ Лестница, обрушившаяся из-за наплыва посетительниц, пришедших по объявлению о найме па работу, в фильме итальянского режиссера Джузеппе Де Сантиса «Рим, 11 часов» (1952, в советском прокате с 1954 г.).
- ²⁰ Авторский вариант, надписанный над строкой.
- ²¹ Цитата из стихотворения А.А. Ахматовой «Не лирою влюбленного...» (см.: Eng Liedmeier J. van der, Verheuil K. "Tale without a hero" and 22 poems by Anna Akhmatova. — The Hague; Paris: Mouton, 1973. Появившиеся в последующих публикациях даты 1959? и 1960, как и название «Пролог», конкретно необоснованы).
- ²² Ср.; «Себе самой я с самого начала // То чьим-то сном казалась или бредом...» (Северные элегии, 5-я. — Стихотворения и поэмы. — С. 333), а также ниже, фрагмент XIV.
- ²³ Вверху этого фрагмента имеется позднейшая авторская помета: Надо.

- ²⁴ Ср.: «Мне ведомы начала и концы, // И жизнь после конца, и что-то, // О чем теперь не надо вспоминать» (Северные элегии, 3-я. — Стихотворения и поэмы. — С. 331).
- ²⁵ Ср.: «Вспоминаешь ты Леру дневную, // Что от солнца бывает пьяна, // А печальную Лаик ночную // Знает только седая луна» (Н. Гумилев. Гондла. Действие первое, сцена 3-я. — М.; Пг.: Русская мысль, 1917. — С. 7).
- ²⁶ Цитата из стихотворения Шарля Бодлера «Мученица» (Une Martyre) из раздела «Цветы зла» сборника стихотворений «Цветы зла» (Les Fleurs du Mal, 1857). В переводе В. Левика: «Супруг твой далеко, но существом нетленным // Ты с ним в часы немые сна...» Следующие за этими 2 строки взяты Ахматовой эпиграфом к циклу «Cinq» (Стихотворения и поэмы. — С. 235).
- ²⁷ Известно отрицательное отношение А.А. Ахматовой к психоаналитическому учению З. Фрейда.
- ²⁸ Перед фрагментом заглавие: Из « Пролога».
- ²⁹ Ср. в стихотворении 1956 г. «Сон» (цикл 1946-1964 гг. «Шиповник цветет». б): «А мне в ту ночь приснился твой приезд. // Он был во всем... И в баховской Чаконе, // И в розах, что напрасно расцвели...» и в третьем посвящении к «Поэме без героя»: «Полно мне леденеть от страха, // Лучше кликну Чакону Баха, // А за ней войдет человек, // Он не станет мне милым мужем, // Но мы с ним такое заслужим, // Что смутится Двадцатый Век» (Стихотворения и поэмы. — С. 240, 354). Общая образность всех трех мест позволяет связать их с «гостем из будущего» поэмы. Прототип — английский историк и дипломат сэра Исайя Берлин (род. в 1909 г. в Риге, ум. в 1997 г. в Оксфорде); встречался с Ахматовой в конце 1945 — начале 1946 гг. в Ленинграде в Фонтанном Доме (б. дворец графов Шереметевых), где она тогда жила. Ахматова считала эти встречи с английским дипломатом, вскоре

высланным из СССР, главной причиной, вызвавшей ее гражданскую казнь в виде пресловутого постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах "Звезда" и "Ленинград"» и сопутствовавшего ему доклада секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Жданова. В свою очередь, по ее мнению, развязанная по указанию Сталина кампания была и началом холодной войны, своеобразным ответом на знаменитую Фултонскую речь 5 марта 1946 г. сэра Уинстона Черчилля о коммунистической угрозе и «железном занавесе» (видимо, Ахматова полагала, что речь не могла не напомнить Сталину о приходе в Фонтанный Дом в поисках И. Берлина Рэндольфа Черчилля-сына, находившегося в СССР в качестве журналиста, а также вызвать подозрения, что беседы Ахматовой с Берлиным, близким к У. Черчиллю, отразились в содержании Фултонской речи). Как утверждала Ахматова, стилистика античерчиллевских и антиахматовских выступлений советской пропаганды совпадала (постановление от 14 августа 1946 г., согласно Ахматовой, было написано самим Сталиным); отдаленным же последствием встреч стало повторное репрессирование сына, Л.Н. Гумилева, в 1949-1956 г. (в связи с последним утверждением можно заметить, что повторное репрессирование по прежним приговорам носило в 1949 г. массовый характер, но «последним предупреждением» для самой ахматовой тоже был). Поэтому в августе 1956 г., вскоре после освобождения Л.Н. Гумилева, гостя в Подмоскowie под Коломной у Шервинских, Ахматова отказалась от встречи с Берлином, вновь приехавшим в СССР. Из состоявшегося между ними телефонного разговора она узнала, в частности, о женитьбе сэра Исаяи.

³⁰ Ср.: «И ты пришел ко мне, как бы звездой ведом, // По осени трагической ступая...» («Шиповник цветет». 8. — Стихотворения и поэмы. — С. 241).

- ³¹ Образ Последней Беды встречается в принадлежащей Ахматовой русской версии стихотворения Тагора «Всеуничтожение» («Везде царит последняя беда...»). — См.: Тагор Р. Собр. соч.: в 12-ти т. — Т. 7. — М.: ГИХЛ, 1964. — С. 10-11. Во фрагментах XXV, XXVII-XXXV звучит как голос вечного, неразрывного спутника жизни и собственного порождения (отсюда настойчиво подчеркиваемый мотив преступности, кровосмесительности союза, что делает весьма сомнительной гипотезу М.М. Кралина о связи образа с Н.В. Недоброво).
- ³² Перед фрагментом помета: **Новый мир**. Стихотворный текст является вариантом-наброском пятой Северной элегии (ср.: Стихотворения и поэмы. — С. 333). Прототип (прототипы) следует искать в ближайшем окружении Ахматовой 1960-х гг.
- ³³ Перед фрагментом заглавие: Из «Пролога».
- ³⁻¹ Ср.: «Знаешь сам, что не стану славить // Нашей встречи горчайший день» (цикл «Cinque». 4. — Стихотворения и поэмы. — С. 237).
- ³⁵ Ср. в публикуемой ниже «Большой исповеди»: «Но умирать от нежности друг к другу // Боялись мы...».
- ³⁶ Перед фрагментом заглавие: Из «Пролога»; кроме того, помета: **2-й вариант**. // 1962 // Москва. К помете примечание: Через три дня он [не дописано].
- ³⁷ Вариант четверостишия 1946 г., примыкающего к циклу «Cinque» (Стихотворения и поэмы. — С. 297).
- ³⁸ В верхнем левом углу помета: Гол. мел. Сен-Санса; в верхнем правом: 3-я баллада Шопена.
- ³⁹ Подлинные слова, сказанные И. Берлином А. Ахматовой (по ее свидетельству в передаче ряда мемуаристов).
- ⁴⁰ Перед фрагментом помета: Нужно; в верхнем левом углу: Надо. Во фрагменте временное иссякновение творческого дара (молчание) в

- 1946-1955 гг. (аналогичное 1925-1935 гг.) связывается с гражданской казнью и вынужденными славословиями Сталину к его юбилею в 1949 г. (убийство души).
- ⁴¹ Жанна д'Арк объединена в этом перечне с покинутыми своими возлюбленными Ариадной и Дидоной, как оставленная без помощи и преданная французским королем в руки англичан. Образы Дидоны и Жанны встречаются в стихотворениях «Не пугайся, — я еще похожей...» («Шиповник цветет». 11) и «Последняя роза» (Стихотворения и поэмы. — С. 243, 264-265).
- ⁴² Ср. с «Последней розой»: «Мне с Морозовою класть поклоны, // С падчерицей Ирода плясать...» (Стихотворения и поэмы. — С. 264).
- ⁴³ Имя героини романа Г. Флобера «Г-жа Бовари» (Madame Bovary, 1856) — Эмма. Бертой зовут ее малолетнюю дочь.
- ⁴⁴ Перед фрагментом помета: Бах. *Re minor* // 13 октября 1963.
- ⁴⁵ Авторский вариант, надписанный над строкой.
- ⁴⁶ Перед фрагментом заглавие: Отрывок из пьесы // «Пролог» // (1943-Ташкент).
- ⁴⁷ Перед фрагментом заглавие: Отрывок из пьесы // «Пролог» // или // «Сон во сне» // 1963.
- ⁴⁸ Вариант: мы же (л. 19).
- ⁴⁹ Вариант: таили (л. 19).
- ⁵⁰ Второй круг Ада, где, согласно «Божественной Комедии» Данте, находятся прелюбодеи («Ад». V).
- ⁵¹ Перед фрагментом нумерация: III.
- ^{52, 53} Авторские варианты, надписанные над строкой (л. 37).
- ⁵⁴ Аллюзия на обезглавление Орфея вакханками, Олоферна — Юдифью, Иоанна Крестителя — по просьбе Саломеи.
- ⁵⁵ Как явствует из содержания, данная сцена не была начальной в 3-й части пьесы. В частности, ей предшествовала упомянутая во

вступительной заметке сцена, которую мне читала в 1963 г. А.А. Ахматова.

- ⁵⁶ Мемуарные записи А.А. Ахматовой «Листки из дневника», относящиеся к О.Э. Мандельштаму, свидетельствуют о хорошем знакомстве ее с романом Дж. Джойса «Улисс».
- ⁵⁷ Центральный рынок Ташкента; здесь в военные годы происходила нелегальная «толкучка».
- ⁵⁸ До Ахматовой неоднократно доходили сведения о том, как вольно трансформировала народная молва фамилии и «преступления» Зощенко и Ахматовой, «главных обвиняемых по делу» журналов «Звезда» и «Ленинград».
- ⁵⁹ Перед фрагментом заглавие: Из III действия.
- ⁶⁰ Перед фрагментом заглавие: Из финала.
- ⁶¹ Апá — сестра (узб.); обращение к женщине.
- ⁶² Заглавие дается согласно записи на л. 29: Из Большой Исповеди (заключена в квадратные скобки перед фрагментом «Все было очень чинно и достойно ~ Там, где когда-то юный Пушкин пел»). Возможно, возникло по аналогии с «Большим завещанием» Франсуа Вийона. Порядок следования фрагментов устанавливается по смыслу.
- ⁶³ В рукописи скобки — квадратные.
- ⁶⁴ Ср.: «Настоящую нежность не спутаешь // Ни с чем, и она тиха...» (сб. «Четки». 1914. — Стихотворения и поэмы. — С. 60-61).
- ⁶⁵ Цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Была пора, наш праздник молодой...» (1836). — Полн. собр. соч.: в 16-ти т. — Т. 3.1. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. — С. 432.
- ⁶⁶ Федра, восплавленная страстью к пасынку, и Франческа да Римини, полюбившая брата мужа, упомянуты вместе как примеры «беззаконной» любви; слова «больше не читавшая» относятся к тому моменту истории Франчески и Паоло, рассказанной в «Божественной

Комедии» Данте («Ад». V), когда, побуждаемые чтением рыцарского романа, герои поцеловали друг друга, после чего они уже «больше не читали».

⁶⁷ На л. 29 об. стихотворный текст частично написан по подклеенному к основному листку обрывку с остатками адреса (чернилами, рукой адресата): й // Касимовский // [Сол]женицын.

⁶⁸ Первоначальный набросок строк «Так вот, когда с тобой беда случилась ~ Особенно друг к другу... — Замолчи!» (л. 32):

Жажда

Беда случилась — ты ее познал...
Ни с чем на свете
Ее нельзя сравнить и утолить:
Ни ветрами свободных океанов,
Ни запахом тропических лесов,
Ни золотом, ни водкою кабацкой,
Ни шкиперским крепчайшим коньяком,
Ни музыкой, когда она небесной
Становится и нас уносит ввысь,
Ни дыханьем «двух тысяч роз» болгарских
...
[Ни] соленой каплей, что с ресницы томной
Как будто приготовилась упасть,
Ни тем, что люди называют славой,
За что иной согласен умереть.

И только мы с тобою знаем тайну,
Как утолить ее, но мы не скажем
Под злою пыткой и друг другу даже.

Здесь же и на л. 32 об. наброски перевода румынской дойны «Путь извилист и тяжёл...» (Ср в кн.: Румынские баллады и дойны. — М.: Худож. лит, 1965. —. 89):

< ДОРОГА ДЛИННА...

24 августа 1963. Будка.

<Путь извилист и> Длинный путь прошел три раза

Я <прошел по нем> — но нет такого глаза> [л. 32]

< ДОРОГА ДЛИННА И ИЗВИЛИСТА...

Ах, длинна <длинна> дорога в горы

Я по ней скитался много,

По нигде такого взора

Не нашел...

Ловко ими поводила

А меня с ума сводила >

<Я три раза обошел

Но подобной не нашел.> [л. 32 об.]

На л. 32 об. также стихотворный набросок:

Машинами обкатана,

За Сатану просватана

Сама себя забывшая земля.

6 июля 1994 г.

«Вестник русского христианского движения.» — Париж; Нью-Йорк; Москва, 1994. — III (№ 170). — С. 132-178 (с исправлениями типографских искажений, в т.ч. во фрагменте XXV, где вместо «Голос: Ты спишь еще?» и «Голос: Дай мне сейчас талисман...» было дважды напечатано *Гость*; также внесены некоторые добавления в примечания.